

ВОПРЕКИ СУДЬБЕ: ЖЕНЩИНЫ, ИЗМЕНИВШИЕ ХОД ИСТОРИИ

комплект из 3 книг

**Мааза Менгисте
Вондра Чхан
Алан Мёррин**

**Вопреки судьбе: женщины,
изменившие ход истории.**

Комплект из 3 книг

Серия «Loft. Будущий сценарий»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74378911

ISBN 978-5-04-253513-0

Аннотация

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше!

В состав входят: «Бухта Донегол», «Царская тень», «Сонджу».

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности.

«Бухта Донегол».

Пронзительный дебютный роман о жизни женщин в клаустрофобном прибрежном городке и поисках независимости в обществе, которое стремится ее ограничить.

Колетт возвращается в свой родной городок в ирландском графстве Донегол, чтобы восстановить свою разрушенную семью после того, как она уехала строить отношения с другим

мужчиной. Но мало кто рад ее присутствию, особенно супруг, который запрещает ей общаться с сыновьями. А на дворе 1994 год, в Ирландии разводы официально запрещены...

«Царская тень».

Война рождает не только героев. Но и героинь.

1935 год. Войска Муссолини вот-вот войдут в Эфиопию. Недавно осиротевшая Хирут попадает служанкой в дом к офицеру Кидане и его жене Астер.

Когда разражается война, Хирут, Астер и другие женщины не хотят просто перевязывать раны и хоронить погибших. Они знают, что могут сделать для своей страны больше.

После того как император отправляется в изгнание, Хирут придумывает отчаянный план, чтобы поддержать боевой дух эфиопской армии. Но девушка даже не подозревает, что в конце концов ей придется вести собственную войну в качестве военнопленной одного из самых жестоких и беспощадных офицеров итальянской армии...

Захватывающая героическая история, пронизанная лиричностью шекспировских пьес и эмоциональным накалом античных трагедий.

«Сонджу».

Дебютный роман Вондры Чхан о внутренней трансформации корейской девушки в тяжелые военные времена и проверке ее принципов на прочность.

Сонджу 19 лет, и она восхищается западным способом мыслить и строить жизнь, поэтому хочет выйти замуж за своего друга детства Кунгу, которого любит, продолжить образование и быть с партнером в равных правах. Но родители выдают ее за человека с традиционалистскими ценностями.

Несмотря на то что девушке удастся принять такой уклад и подстроиться, ее внутренние стремления вспыхивают с новой силой, когда в ее жизни появляется дочь Чинджу, которую она хочет вырастить независимой женщиной. Сонджу предстоит пройти путь общественного осуждения и ломки прежних представлений...

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

Содержание

Алан Мёррин	6
Пролог	7
1	8
2	21
3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Алан Мёррин, Мааза
Менгисте, Вондра Чхан
Вопреки судьбе: женщины,
изменившие ход истории.
Комплект из 3 книг**

**Алан Мёррин
Бухта Донегол**

Copyright с Alan Murrin, 2024

© С. Чулкова, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Пролог

Ардгласс, графство Донегол, март 1995 года

Когда детектив спросил Иззи, что разбудило ее той ночью, она не могла сказать точно. В ту зиму она вообще страдала бессонницей, просыпалась по три-четыре раза за ночь. Она не стала упоминать, что впервые после двухмесячной размовки спала в комнате со своим мужем. Захотев в туалет, она вышла на лестничный пролет и посмотрела на залив. В последнее время она часто искала глазами крышу коттеджа на том берегу. Небо заволокло облаками, сквозь которые сочился первый утренний свет. Там над землей стоял черный дым.

– Я уже знала, что произошло на самом деле. Еще до того, как увидела вблизи, я *знала*, понимаете?

– Но *откуда* ты могла знать, Иззи? – спросил сержант Фаррелли.

– Когда я увидела дым, то...

– Вы не так поняли вопрос, миссис Кивини, – вмешался детектив. – Как можно, находясь в двух милях от коттеджа и на другой стороне залива, знать, что был совершен поджог?

– Это уже совсем другая история, – сказала она.

Октябрь 1994

Уже были отслужены две утренние мессы, и воздух густо пропах фимиамом. Церковь была полна людей, и Иззи оказалась зажатой меж двух потных тел: каждый раз, поднимаясь с колен, она чувствовала, как в нее упираются плечи соседей. Иззи вытащила из рукава скомканную салфетку и вытерла пот со лба. Очень хотелось снять джемпер, но Иззи не была уверена, что прилично будет остаться в топе – кроме того, она боялась, что, стягивая джемпер, случайно оголит живот или спину или, не дай бог, пихнет локтем близстоящих. Нет, в это утро она не могла позволить себе такой разнузданности. Иззи подняла голову и уперлась взглядом в широкую спину Стаси Туми – горделивой, осанистой, плотно укутанной в васьковский кардиган.

Снова опускаясь на колени, Иззи почувствовала потный запах собственных подмышек. Она склонила голову и закрыла глаза. По церкви пронесся шелест молитвы.

– Господи, спаси и сохрани, – вторили прихожане.

Господи, спаси и сохрани.

Чтобы поспеть на мессу в половине одиннадцатого, Иззи с трудом выбралась из постели. Накануне вечером она слиш-

ком много выпила, подтверждением чему было сегодняшнее долгое ничегонеделание. Напивалась Иззи редко и не могла доставить Джеймсу удовольствие использовать сей факт против нее. Выскользнув из гостевой комнаты, чтобы заварить себе чай, Иззи сразу же наткнулась на разбросанные по полу картины. Вернувшись накануне вечером со званого ужина, она заявила Джеймсу, что будет спать внизу. Ее заносило из стороны в сторону, и она посбивала со стен все картины. Джеймс попытался схватить ее за руку, а Иззи пихнула его локтем под ребра. Он взвыл от боли и, конечно же, разбудил Найла с Орлой. В голове у Иззи так и застряла эта ужасная картинка, как ее дети стоят на лестничном пролете, с недоумением уставившись на нее.

Заварив себе чай, Иззи прошмыгнула обратно в комнату, не желая сталкиваться с домашними. И вот сейчас она стоит в церкви на коленях, слова коллективной молитвы отдаются в животе голодными волнами, а в голове проносится мысль сожаления о пропущенном завтраке.

– Господи, спаси и сохрани.

Господи, спаси и сохрани.

Она попыталась сконцентрироваться на широкой фигуре отца Брайана за алтарем. На нем сегодня литургическое облачение – идеально чистое и накрахмаленное, с золотой и серебряной отделкой, через шею перекинута епитрахиль с мелко вышитыми виноградными гроздьями и пшеничными колосьями. Когда он будет у нее в гостях, нужно будет обяза-

тельно сказать ему: «Брайан, какие прекрасные одежды были на вас в воскресенье и как они вам шли. Не видела ничего более красивого». Она знала, что именно этот момент в своей работе он терпеть не может и вечно мучается, представляя перед паствой в подобном виде. Иззи представила его кривую улыбку, когда он услышит эти слова, и легкий смешок.

Господь наш Вседержитель, уповаем быть спасенными волей Твоей.

Кто-то в передних рядах поднялся с места – высокая женщина с копной черных волос прошла к иконостасу и встала перед аналоем. У Иззи даже слегка перехватило дыхание. То была Коллетт Кроули во всем своем великолепии. До того красива, что хочется смотреть на нее до бесконечности. Какая гордая посадка головы. Какая стать, и этот грациозно вздернутый подбородок. Коллетт окинула взглядом паству, и губы ее тронула улыбка, словно она находила все это действие немного забавным. Словно и сама она всех дурачит и вовсе никуда не уезжала. Иззи видела, как Стася Туми тихонько ткнула в бок своего мужа. Несколько человек разобрал нервный кашель. Иззи поискала взглядом Шона с Энн, но их, кажется, не было на службе.

А потом Коллетт заговорила своим прекрасным бархатным голосом, сдобренным дублинским акцентом. Она читала отрывок из пророка Исайи, но Иззи вслушивалась не в слова, а в сам голос – не простолюдинки или южанки, а какой-то совершенно другой, и Иззи могла слушать его беско-

нечно. Все остальные тоже глядели на Коллетт, словно она была прекрасным видением. И когда Иззи перевела взгляд на отца Брайана, восседавшего в массивном мраморном кресле, она увидела, с каким приятием тот глядит на Коллетт Кроули.

Последовало ответствование: *Воздадим же Господу славу и всемогущество*. На взгляд Иззи, уж больно велеречиво – разве у Бога недостаточно славы и всемогущества?

Затем, аккуратно ступая и придерживая длинную юбку, Коллетт спустилась с солеи¹. В полной тишине все зашевелились, переступая с ноги на ногу. Иззи видела, как напряглись скулы у Стаси Туми, когда она провожала взглядом идущую по проходу Коллетт, и как она расслабилась, когда Коллетт опустилась перед скамьей на колени. Между тем отец Брайан даже не шевельнулся, продолжая сидеть все так же неподвижно, в преисполненной достоинства позе. Руки его покоились на коленях, словно он все еще обдумывал каждое слово, произнесенное Коллетт. Иззи подняла руку, чтобы вытереть пот со лба, но оказалось, что она выронила салфетку. Иззи посмотрела вниз: раскрошившись, салфетка подобно снегу рассыпалась на подушечке для коленопреклонения.

¹ Солея (греч. «возвышение») – возвышение перед иконостасом на одну-две ступени от пола, во всю ширину храма. (Здесь и далее – *прим. переводчика.*)

Когда накануне вечером они ехали в машине по прибрежной Коуст-роуд, она подумала, что Джеймс не свернул на центральную улицу оттого, что не хотел проезжать тот магазинчик. Требовалось подписать бумаги и вернуть их агенту до сегодняшнего полудня, но Джеймс пришел с работы поздно. Развязывая на ходу галстук, он вошел в дом и стал ворчать, что, мол, теперь они опоздают на званый ужин. Она уже неделю как расписалась в купчей и оставила ее на видном месте. И вот они едут по Коуст-роуд и молчат. А ведь свою подпись он так и не поставил.

На выезде из городка дорога круто брала вверх, становясь все уже и все ближе примыкая к берегу. Справа, ниспадая к Атлантическому океану, тянулись холмы, луна в ущербе (словно кто-то ножом отрезал от нее дольку) зависла низко над заливом².

Взяв лежащую под ногами сумку, она щелкнула замком, достала мятный леденец и громко закрыла сумку. Развернула фантик и стала сосать леденец, со стуком гоняя его во рту. Включила радио (заиграла ритмичная танцевальная музыка), выключила радио.

– Должно быть здорово ничего не хотеть от жизни, – ска-

² Имеется в виду залив Донегол.

зала наконец Иззи. Она видела, как напряглись его руки, вцепившись в руль. На скуле в ее обозрении заходил желвак.

– Должно быть здорово – быть всем довольным, когда все желания удовлетворены, – продолжила она. – Вот бы и мне так.

– Ты же понимаешь, что этот разговор сейчас некстати.

– А когда будет кстати?

– Не знаю. Может, просто объект неподходящий.

– Да его отдадут за сущие гроши.

– Вот именно. И догадайся почему.

– Потому что здание находится в запущенном состоянии. А его всего-то нужно подштукатурить, покрасить и подремонтировать кое-где по мелочи.

– Этот объект прогорел как магазин подарков, как пекарня и как музыкальная лавка.

– Но не как цветочный магазин, которым заправляла я.

– Не так-то много ты на нем зарабатывала.

– Достаточно, чтобы радоваться и чувствовать себя счастливой.

– Послушай, это же пускание денег на ветер. Вот если б они снизили цену, то...

– Хватит! – выкрикнула она – Ты просто не собирался ничего покупать. Думал, что я успокоюсь, если ты просто потрясешь передо мной этой мор-ковкой.

– Негоже избираемому члену городской власти скупать чуть ли не полгорода.

– Полгорода?! Полгорода?! Один-единственный вшивый магазин на главной улице – это, по-твоему, полгорода? Мне надоело оставаться без всего, только бы твои избиратели не посчитали нас слишком богатыми. – Она сердито сплела руки на груди и отвернулась к окну. – К тому же это не работает. Люди все равно думают, будто у нас полно денег.

– Что совершенно не соответствует действительности.

– Как будто я не знаю. Ты обогатил в этом городе всех, кроме нас самих.

Он вырулил из-за поворота, и луна снова оказалась в поле их зрения.

– Но этот магазинчик мы можем себе позволить, – продолжила она.

Он остановился возле отеля.

– Ты что, хочешь испортить такой хороший вечер? – сказал он.

Она взглядела в пары, скользящие вверх и вниз по ступеням «Парадайз Лодж». За стеклянными дверьми отеля посверкивали бронзовые перила парадной лестницы.

– Можешь не беспокоиться, я не стану ставить тебя в неловкое положение, – сказала она.

На протяжении всего ужина она позволила Тому Хеффернану подливать ей вина и пялиться на ее грудь, пока сама она бросала сердитые взгляды на сидящего напротив Джеймса. Она курила одну сигарету за другой, и в пепельнице перед ней собралась горка окурков. На ней были черные кюлоты из

сатина и топ с глубоким вырезом, а короткий пиджак-болеро в пару к кюлотам она скинула сразу же по прибытии. Обладая узкими плечами и широкими бедрами, она специально подобрала такой наряд – чтобы подчеркнуть верх и замаскировать низ. Обычно Джеймс не скупился на комплименты по поводу ее внешнего вида, но сегодня он старался не сталкиваться с ней взглядом. То есть все за столом восхитились ее сегодняшним образом, тогда как собственный муж сидел с одной и той же порцией виски, купленной в самом начале ужина. Накрыв бокал ладонью, он нервно раскачивал его, словно боясь, что ему сейчас дольют.

Она все гоняла по тарелке говяжью вырезку, а когда подали профитроли, проигнорировала их и вытащила из пачки очередную сигарету. Когда Джеймс заговорил о важности развития всевозможных бизнесов в их городке, она уставилась на светильник под потолком, представляющий собой длинный цилиндр со стекающими каплями стеклянных бусин. Если целую минуту смотреть сквозь сигаретный дым на этот свет, все бусины сливаются в единое целое, и, таким образом, можно абстрагироваться от мужниного голоса. Послышались аплодисменты, а она продолжала сидеть, сплетя руки и опершись локтями о стол. Когда Джеймс сел на свое место, мужчины не преминули подойти и одобрительно хлопнуть его по спине.

– Ты прав, старик, – сказал Манус Суини. – Чертовски прав. Городские сообщества спасет лишь упорный труд.

Нельзя полагаться на государственное финансирование.

— Что ж, Манус, я старался не говорить в лоб, но так оно и есть. Нынче много развелось желающих получить задарма все и сразу. Не хотят работать.

Все закивали, засоглашались, а Иззи повернулась к соседнему столику, за которым сидели Шон Кроули и Энн Дивер. В их компании Энн была единственной женщиной, и большинство мужчин за этим столиком были холостяками и не имели спутниц, которых можно было бы привести на подобное мероприятие. Шон о чем-то доверительно переговаривался с соседом, а сидевшая справа от него Энн выглядела так, словно ее приткнули на крайний стул в самую последнюю минуту. Словно сожалея о неправильном выборе, она все время теребила мочку уха, прикрывая ладонью вычурную сережку из серебра, едва не достающую ей до плеч. Проработав много лет официанткой в отеле «Харбор Вью», она скорее привыкла обслуживать званые ужины, а не присутствовать на них, и Иззи решила улучшить момент и поболтать с ней до окончания банкета. Бедняжка Энн: с Шоном не особо пообщаешься, он не умеет вести светские беседы. Конечно, он достаточно воспитан, чтобы не отмахиваться, если заговорить с ним, но на таких мероприятиях он всегда скучает. И снова, в отличие от остальных, пришел без пиджака и галстука.

— Господи, что за чудик, — прошептала ей Тереза Хеффернан. — Столько денег имеет, а не удосужился надеть глаже-

ную рубашку.

Иzzi на секундочку призадумалась, а потом сказала:

– Что ж, теперь для этого у него есть Энн.

– Да, но эта-то опять нарисовалась.

– Кто?

– Коллетт.

– В самом деле? – Иззи затянулась сигаретой. – Но она уж точно не гладила ему рубашки.

– Она заявила сегодня в фабричный офис, такая наглая, и сказала, что ей нужно поговорить с Шоном. Пробыла у него две минуты и вышла недовольная.

– Может, узнала, что у Шона появилась другая. – Иззи до сих пор не могла переварить новость, что Шон связался с тихой, домашней Энн, которая большую часть своей взрослой жизни пробыла вдовой. Да, они с Шоном почти одноклассники, хоть в этом есть какая-то логика, но в остальном она была полной противоположностью Коллетт.

– Говорят, он не дает Коллетт видеться с детьми, – сказала Тереза.

– Правда? – удивилась Иззи. – Пожалуй, это уже перебор. Как можно отлучать мать от собственных детей?

Тереза шагнула к своей пепельнице и стряхнула в нее пепел.

– Что ж, значит, у него имеются на то веские причины, – сказала она.

Иззи хотела было возразить, но ее отвлек Джеймс. Он за-

говорил, тыча пальцем в стол:

– Моим родителям никто ничего не приносил на блюдечке. Им все пришлось добывать собственным трудом.

– Они откуда родом? Из наших мест? – поинтересовался Манус Суини.

– Нет. Из городка севернее нас. Жили на одной улице. Кажется, даже были пятиюродными братом и сестрой.

Все замолчали.

– Четвероюродными, – поправился Джеймс, и все засмеялись. Иззи видела, как в глазах мужа блеснул холодный огонек.

Со сцены слышалось в микрофон: «Раз-раз, проверка звука», тренькнули гитары, брякнули цимбалы.

– Не понимаю, зачем говорить, будто твои родители ничего не получили от государства, – сказала Иззи. – Разве ты не рос в доме, что выделил для них горсовет?

Джеймс отвел от нее взгляд.

– Да, но на этом помощь государства заканчивалась, – сказал он. – Все остальное они зарабатывали сами.

– Господи, да когда уже начнутся танцы, – пробормотала себе под нос Иззи.

– Люди тогда жили в основном просто, скромно, – продолжил Джеймс. – И вот именно таким я и хотел бы помогать. Тем, кто привык напрягаться.

Иззи взглянула на мужа, такого из себя «простого и скромного». Ей вдруг захотелось схватить винную бутылку,

подойти к нему и хрястнуть ею по его простой, скромной башке.

Из микрофона вырвался пронзительный свист, и у Иззи заложило уши.

– Прошу прощения, – сказал мужчина на сцене. – Надеюсь, это вас немного встряхнуло. – Издав смешок, он стал наигрывать начальные аккорды «Лживого сердца»³.

– Обожаю это песню! – сказала Иззи. – Эй, кто пойдет со мной танцевать? Том. – Вскочив, она схватила Тома за руку и случайно опрокинула стул. Том поднялся и повел ее к танцполу. Рука его лежала у нее на крестце, и Иззи очень надеялась, что Джеймс заметит это.

* * *

Вернувшись к аналою, отец Брайан стал читать из Евангелия, сказав затем, что проповеди сегодня не будет, так как он ездил на отпевание в соседний город и не успел подготовиться. Иззи знала, что он врет, потому что весь день четверга он просидел у нее на кухне – курил, разговаривал, пил с нею чай и ни словом не обмолвился про похороны. Но все-таки хорошо, что проповеди не будет. Они отменялись лишь несколько раз в году, но сегодня это очень кстати – десять минут экономии времени.

³ «Лживое сердце» (англ. «Your Cheatin' Heart») – песня американского исполнителя кантри-музыки Хэнка Вильямса (1923–1953).

Между тем служба продолжилась, прихожане вторили нарастающим многоголосием. Казалось, это никогда не кончится, и она знала, что не выдержит такого долгого стояния.

Агнец Божий, ты берешь на себя все грехи мира.

Уф. По спине Иззи стекла струйка пота.

Господи, я недостойн принять Тебя, но только скажи слово, и я исцелюсь.

К горлу подступила желчь.

– Извините, – обратилась она к соседке справа и стала пробираться мимо сидящих прихожан, стараясь не поднимать головы и ни на кого не смотреть. На крыльце ей пришлось протиснуться через небольшую толпу мужчин, которые то ли опоздали, то ли были слишком пьяны, чтобы войти внутрь. Над дверью висел работающий громкоговоритель. Иззи поспешила к воротам, догоняемая голосом отца Брайана.

Отругав трехлетнюю Джессику, ударившую по лицу своего годовалого братика, Долорес Маллен подхватила орущего сына и засунула его в манеж. Она собралась поставить кассету с фитнесом и включила телевизор. Передавали рекламу. Женщина, словно чокаясь, поднимает крошечный бокал с синей жидкостью для отбеливания и выливает ее на кухонное полотенце. «Господи, сколько можно», – подумала Долорес. Она глядела, как жидкость впитывается в полотенце, и думала о том, что у нее не пришли месячные. Задержка как минимум на десять дней. Возможно, это из-за диеты, но не на десять же дней. «Черт», – громко сказала она. Последние месячные были в конце августа, когда все собрались на семейный барбекю в честь дня рождения Мадлен, то есть полтора месяца назад. У них с Доналом трое детей – подросток и два малыша, а теперь на подходе и четвертый? Донал требовал, чтобы она похудела, и Долорес только-только восстановила форму после рождения Эрика...

Она опустилась на огромный диван и провела пальцем по гладкой велюровой обивке, где, несмотря на все ухищрения и химию, еще виднелась пара пятен в форме детских ладошек. Она взглянула на Джессику: та уже успокоилась – сидела на полу в дальнем конце комнаты и пыталась расчесать волосы кукле крошечной расческой.

– И не надо на меня так смотреть, дорогуша, – увещевала куклу девочка, и голос ее эхом разносился по комнате, отталкиваясь от белых стен, плиточного пола и панорамных окон, за которыми простиралось море.

Проект дома, как назло, был выбран такой, чтобы она до скончания веков протирала все эти огромные стеклянные поверхности. Да, конечно, у них очень просторно и всегда много света. Четыре комнаты внизу, две наверху, их еще заполнять и заполнять. И как только она умудрилась не беременеть десять лет, а теперь вот – третий раз подряд? Долорес тут же отогнала от себя недобрую мысль. В конце концов, были и выкидыши, и, возможно, он опять случится. Не стоит ли сначала убедиться, а потом уж сказать Доналу? Он никогда не был осторожен, а летом совсем потерял к ней интерес – обычно верный признак того, что появилась другая женщина. Поэтому, когда он снова вспомнил про нее, у нее не хватило духу отказать.

Послышался шум подъезжающей машины. Иногда по утрам к Долорес навевывалась одна из сестер, но сейчас возле дома остановился блестящий черный BMW. Открылась дверь, наружу высунулась женская ножка в черном сапоге на высоком каблуке, затем появилась и ее обладательница. Когда она выпрямилась, Долорес увидела, что это жена Шона Кроули. Долорес подивилась, почему та не подвязала свои густые черные волосы и как она вообще умудрилась разглядеть за ними дорогу. На женщине была длинная клетчатая

юбка, водолазка и поясная сумка на бедре. Долорес натянула поверх короткого топа худи и пошла открывать дверь.

– Привет, Долорес, – сказала гостья, и Долорес тотчас же осознала, что та выглядит вполне себе элегантно. Кожа на лице была бледной и гладкой, взгляд синих глаз – острым и пытливым.

– Привет, – ответила Долорес.

– Вы меня помните? Я Коллетт.

Гостья улыбнулась, и вокруг ее глаз и рта образовались мелкие морщинки. Долорес видела ее прежде, знала, что она замужем за Шоном Кроули, но с какой стати она должна ее помнить?

– Здравствуйте, Коллетт, – ответила она.

– Я тут решила узнать насчет коттеджа.

Она снова улыбнулась, и Долорес подивилась, насколько улыбка преображает эту женщину, еще сильнее обозначая высокие скулы и аккуратную линию подбородка. Долорес вспомнила, что она не накрашена, и защитным жестом застегнула молнию на худи и сплела руки на груди.

– А что насчет коттеджа? – переспросила она.

Гостья кинула взгляд через плечо в сторону белого каменного домика на холме.

– Но ведь это вы его владельцы? – уточнила она.

– Да.

– И сдаете его?

– Да, но только не в это время года.

– То есть сейчас он пустует?

Джессика протиснулась между ног Долорес, и та подхватила ее на руки.

– Да вы заходите, – сказала Долорес и распахнула дверь, пропуская Коллетт в холл. Ее каблучки застучали по плиточному полу.

– У вас красивый дом, Долорес. Всегда люблюсь на него, гуляя вдоль моря. Представляю, какой у вас роскошный вид из окон. – Она заглянула в гостиную, чтобы убедиться в справедливости своих слов. – Так сколько у вас детей? – Она ткнула пальцем в пухлую ножку Джессики. Улыбнувшись, та смущенно уткнулась носом в материнскую шею.

– Эта – вторая, – ответила Долорес. – А Эрик, который в манеже, третий. Их нужно разводить по углам, а то начинают безобразничать. – Сморщив нос, Долорес потерлась им о носик дочери. – Верно я говорю?

Девочка уперлась лбом в лоб матери и обхватила ее ручонками за шею.

– Я помню только Мадлен, – сказала Коллетт. – Несколько лет назад она участвовала в нашей постановке при городском центре.

– Точно, – кивнула Долорес. – Сейчас ей уже тринадцать. Учится в средней школе Святого Джозефа.

Между тем малышка на ее руках ухватилась за золотой кулон «Долли» и начала тыкать им в шею матери.

– Прекрати, Джессика. – Долорес попыталась разжать дет-

ские пальчики.

– Послушайте, Долорес. Не хочу вас долго задерживать, но меня интересует ваш коттедж на предмет аренды.

– А где вы сейчас остановились?

– Вот уже две недели как проживаю в мини-гостинице, но там не очень удобно. Хочу устроиться с ббольшим комфортом.

Было непонятно, почему эта женщина не может переехать к собственному мужу, но Долорес слышала, что какое-то время эти двое жили раздельно.

– Вообще мы никогда не сдавали коттедж зимой. Как в августе съехали жильцы, мы там особо и не прибирались. Они могли оставить там все в полном беспорядке.

– Можно посмотреть его? Хочу понять, подойдет он мне или нет. Не прямо сейчас, конечно. Там есть отопление, электричество?

– Да, все есть, – сказала Долорес. – Донал же электрик, все своими руками сделал. Вы бы видели, в каком состоянии был дом, когда он нам достался! Пришлось перекладывать крышу, менять трубы и все такое. Обошлось недешево.

– А кто был прежний хозяин?

– Англичанин. Бывал тут неделю в год, но отказывался продавать дом, даже когда мы уже начали отстраиваться. Иначе мы бы выбрали тот участок, оттуда виды красивей. Мы тут уже пять лет прожили, когда он наконец согласился.

Долорес чувствовала, что гостья внимательно рассматри-

вает ее. Продолжает улыбаться, но при этом изучает каждый миллиметр ее лица.

– Может, я прямо сейчас посмотрю? – спросила Коллетт.

– Я сейчас не могу, не с кем детей оставить. Да и вообще – уж лучше приходите, когда Донал будет дома. Я не могу решать сама, не посоветовавшись с ним. Возможно, невыгодно сдавать дом в это время года. – Но Долорес прекрасно знала, что деньги им не помешают. – Ведь если вы останетесь там надолго, то с июня мы запросим цену в три раза выше.

– К июню я уже съеду, – сказала Коллетт. – Может, дадите мне ключи? Я сама быстренько схожу и гляну? Минут на пять, не дольше. Просто понять, подходит мне дом или нет. И уж потом вы поговорите с Доналом.

Из гостиной послышался детский крик.

Долорес подошла к тумбочке, выдвинула ящик и пошарила там рукой. Внутри гроыхнули ключи. Она вытащила связку и протянула Коллетт.

– Тот, что желтый, от входной двери. Замок туговат, так что потяните дверь на себя, когда будете поворачивать ключ. Есть заезд с главной дороги, но вам нет смысла лишний раз кататься. В конце лужайки увидите тропинку, по ней и подниметесь. Сейчас сыро, поэтому будьте осторожны.

Коллетт улынулась, посмотрела прямо в глаза Долорес и сняла с ее пальца кольцо с ключами.

– Спасибо, Долорес, – сказала она. – Я скоро их верну.

Долорес хотела окликнуть ее, забрать ключи, но вместо

крика из ее груди вырвался жалобный, усталый вздох.

* * *

Коллетт начала спускаться вниз через палисадник, утопая каблуками в мягкой земле. На мгновение у нее промелькнула мысль вернуться назад, сесть в машину и доехать до коттеджа по дороге, но она даже не замедлила шаг. Остановившись у подножия холма, она оглянулась и увидела в дверях Долорес, стоявшую с ребенком наперевес.

Холм был столь крут, что снизу она могла видеть лишь скат шиферной крыши. Она помнила, что прежде ее выстилали соломой, но, очевидно, Маллены не захотели с этим морочиться. В склоне холма были выдолблены ступеньки, и, аккуратно взбираясь наверх, Коллетт хваталась руками за пучки травы, чтобы удержаться и не упасть. Наверху она прошла через проем в каменной стене, разгораживающий два участка. Вблизи стало заметно, что белая штукатурка на здании осыпалась, обнажив старые камни. Синяя краска на двери отшелушилась, и сквозь нее проглядывало серое, вымытое непогодой дерево. Потянув на себя небольшую латунную ручку, Коллетт повернула ключ в замке и открыла дверь. В лицо ей ударил спертый воздух.

Она щелкнула выключателем: голая лампочка озарила комнату холодным светом. Обстановка была составлена из разномастной корпусной мебели, а немногочисленные ста-

рые образцы, казалось, были добыты на каких-то распродажах. Да и сама комната была неказистой: под низким потолком предметы казались либо слишком маленькими, либо громоздкими. Впрочем, были заметны некоторые попытки навести уют – пол из отполированного плитняка и встроенный в стену аккуратный камин, сосновый буфет, уставленный старой посудой. Занавески с розово-зеленым рисунком и подхватами в тон обрамляли окно с видом на залив. Отодвинув пластиковую перегородку, она заглянула в душ, пытаясь прикинуть, каким образом сюда может втиснуться человек. Единственная спальня была размером с гостиную: похоже, внутри дома просто возвели стену, и это была единственная реконструкция, произведенная тут за неизвестно сколько столетий. В спальне имелись комод, кровать из кованого железа, а на натянутой между стен веревке болталось несколько проволочных вешалок. У изножия кровати стояла крохотная детская кроватка с белыми металлическими прутьями.

«От кроватки, как и от вешалок, придется избавиться, а лампочки облагорожу плафонами», – подумала она, опускаясь на встроенную под окном банкетку с подушками, обитыми той же самой зелено-розовой тканью. Коллетт выглянула на улицу. Гуляя вдоль берега, она часто гадала, кому принадлежит этот коттедж, и навела в городе справки. Обычно владельцами дач были англичане, но узнав, что этот домик несколько лет назад купили Маллены и обустроили его под

сдачу, она стала мечтать о нем. Как будет просыпаться тут по утрам под пенный шум прибоя, как будет глядеть на залив в любую погоду и как будет сидеть у окна и писать.

Она оглядела спальню, которую скорее можно было назвать причудливой и с большой натяжкой уютной. Коттедж не был классически ирландским, как она себе представляла, но даже такой он ей подходил.

Она хотела снова повернуться к окну, но взгляд ее упал на небольшой сосновый сундучок прямо возле ее ног. Коллетт подняла крышку. Внутри лежало постельное белье. Она провела рукой по грубой накрахмаленной простыне, под которой нащупала что-то гладкое. Она откинула простыню, и там лежал журнал. На обложке была изображена женщина с крупной химической завивкой, в одних белых чулках, в туфлях на высоких каблуках и с кружевным чокером на шее. Женщина наклонилась вперед, зажав грудь руками, рот ее был открыт в немом крике притворного испуга, словно фотограф запечатлел момент нападения агрессора. Коллетт с улыбкой пролистала журнал, составленный из домашних фотографий с полноватыми или костлявыми женщинами, раздетыми в пестрое нижнее белье, подобное рождественской мишуре. Они красовались в панталонах с открытой промежностью, демонстрируя свои буйные лохматости, одной рукой указывая на камеру, а другой раздвигая половые губы. Мужчины тут вообще не фигурировали, а в конце имелось множество страниц с номерами для секса по телефону и пред-

ложениями эскорт-услуг.

Может, потому Долорес так перепугалась, когда она, Коллетт, попросила ключи от коттеджа? Боялась, что она отыщет этот пошлый журнал? Впрочем, нет: эта женщина сразу выглядела напряженной и испуганной, выпустила иголки. А потом она взяла на руки ребенка, и Коллетт видела, как она успокаивается. Такая худая, холодная, отстраненная. Руки красные, словно только что она возилась в воде. И этот пол в доме, эта плитка – гладкая как каток. Может, вот чем она занимается весь день – скребет пол, пока не вернется муж и не позволит ей переключиться на что-то другое? Коллетт не была знакома с этим человеком, но помнила его. Поэтому, увидев фотографию в холле, снова утвердилась во мнении, что он действительно красив. Обознаться она не могла, так как это была единственная семейная фотография, что попала ей на глаза. На ней Долорес вяло улыбалась и выглядела усталой. На коленях у нее сидела дочка в крестильном платье с кружевами, неловко протягивая руку в сторону фотографа. Донал сидел в центре – собранный, но отстраненный. И прическа – волосок к волоску.

Коллетт снова уставилась на журнал. Он мог принадлежать как Доналу, так и прежнему жильцу, второпях спрятавшему журнал, или даже подростку. Не вошел ли в эту стадию и ее собственный сын Барри? Может, и он раздобыл подобный журнал и в страхе прячет его под матрас, когда Шейла, работающая у них с самого его младенчества, поднимается

к нему в комнату, чтобы прибраться? Даже если он и станет с ней разговаривать, то уж точно не на подобные темы. Ее мятежный сын бодается с этим миром с самого своего рождения. Ронан уже на первом курсе в Тринити, и у него никогда не было периодов гнева. Карл слишком юн для такого. Но Барри – тот винил ее во всем на свете.

В последний раз, когда она звонила домой, трубку снял он, и Коллетт спросила у него, как дела. Она и сама знала, как глупо звучит эта наигранная веселость, вызванная тем, что на самом деле она страшилась его реакции. Он тогда сказал ей: «Отъебись». Да, именно так, сказал: «Отъебись» – и бросил трубку. Только позднее она сообразила, что нужно было дозваниваться до тех пор, пока трубку не снял бы Шон, и они вместе обсудили бы поведение сына. Но когда Барри так сказал, у нее перехватило дыхание. Она так и продолжала сидеть в холле гостиницы с трубкой в руке, слушая частые гудки и уставившись на черную коробочку с прорезью, куда она только что опустила монету в двадцать пенсов. То, что ее сын так жестоко отвергал ее, не было чем-то необычным – глупо было удивляться.

Она тогда попыталась собраться с мыслями, донести их до комнаты, двигаясь медленно и аккуратно, чтобы ничего не расплескать. Усевшись за маленький складной столик, она постаралась изложить свои чувства как можно более простым языком, до того ее ранили слова сына. Это было сродни тому, когда ты упираешься в стеклянную стену, испытывая

шок и растерянность оттого, что не можешь прикоснуться к жизни, истекающей по ту сторону. И когда она излила свою боль в стихотворных строках, только тогда она отступила. Все витиеватости, если надо, можно добавить позднее, на первой же стадии от нее требовалась честность перед самой собой.

Честность перед самой собой. Как только она об этом подумала, с моря набежал ветер и, казалось, приподнял крышу за краешки карнизов, а весь дом словно вдохнул воздуха, став больше, и снова выдохнул. Правда состояла в том, что ее сыновья никогда не навесят ее в этом доме. Ронан мог бы тут появиться, но он только ужаснется, а для Коллетт это невыносимо. Барри не останется тут ни на секунду, да и не следует звать сюда ни его, ни Карла. У них есть их собственный дом, их крепость, построенная их родителями, где все они были по большей части счастливы. Так что стоит ли приглашать их в домик с двух комнатах, чья крыша приподнимается от ветра, а окна гремят от малейшего дуновения?

Она вернула журнал на прежнее место и захлопнула крышку сундука. Ну уж нет, пусть этот дом станет ее личным святилищем. Она может сделать из этого места дом. Она не станет прятаться, а просто уединится. Ей есть чем тут заняться.

Найл все никак не мог отыскать свою школьную форму. Накануне мама отправила ее в стирку, поэтому он проверил в прачечной, но не нашел. Отца он не мог спросить, потому что тот давал по телефону интервью в прямом радиоэфире, к тому же он все время сердился, если Найл терял свои вещи, а это происходило постоянно. Он знал, что сегодня отец отправляется в Дублин и должен закинуть его в школу по дороге. Как же он разорется, когда узнает о пропавшей форме!

– Не зря Донегол называют позабытым графством, – ревел в телефон отец.

Найл потихоньку пробрался в сторону гостевой комнаты. Толкнул дверь и втянул носом теплый сонный воздух. Она лежала под одеялом маленькой шуршащей горкой. Мать всегда спала там после ссор с отцом и залеживалась до полуденных часов. Когда он возвращался из школы, она перебиралась на диван в гостиной, закутывалась в плед, и над ней разносились аплодисменты послеобеденного ток-шоу. Он старался обнять ее, спрашивал, как она, а она словно котенок мягко утыкалась лбом в его руку. Она никогда не говорила, что случилось, и в голосе ее появлялась флегматичная хрипотца, словно это была не она, а кто-то совсем другой. Когда все было хорошо, он спешил домой, чтобы пошутить и посмеяться с ней над событиями дня, потому что она была

самым смешливым человеком на свете. Но часто кто-нибудь приходил к ней в гости, а он злился, потому что хотел, чтобы мама принадлежала только ему одному. Иногда у них сидела ее подруга Маргарет Бреннан. По словам мамы, Маргарет может протрещать хоть весь день, потому что развелась с мужем. А в последнее время возле их дома стала появляться машина отца Брайана, и они сидели вдвоем на кухне – курили, смеялись и пили чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.